

С. ШАТТЕНБЕРГ

<Послесловие к кн.: Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны>

<...>

Как успех, так и трагедия Брежнева заключались в том, что он с помощью своего девиза «Каждый должен спокойно жить и работать» нашел путь, который умиротворял травмированное общество, но при этом привел политическую систему (но не общество!) к окостенению. Другими словами, страх, порожденный 30 годами террора, был столь всеобъемлющим, что политическая связь с ним вела к параличу Центрального комитета и Политбюро. Брежневу не удалось утвердить политическую культуру, в соответствии с которой смена руководителя представляла бы собой обычные действия, а не угрозу его существованию. Но для этого слишком велика была не только травма, пережитая вследствие сталинского террора и унижений при Хрущеве. Принципиальное функционирование советского господства в рамках отношений между патронатом и клиентами также препятствовало «объективной» оценке реформ и новшеств в соответствии с их полезностью, а не принадлежностью к клану. Но эти личные связи казались в пору доносительства и демонтажа прежних политических структур единственным гарантом по крайней мере хотя бы какой-то безопасности, будучи тем самым и следствием безумия чисток и перемещений. Таким образом, «днепропетровская мафия» являлась и прямым следствием сталинского террора, и возникла как «структура выживания». Объединения лиц определяли мышление, восприятие визави и оценку политических концепций.

Это дало себя знать в связи с «реформами Косыгина», которых Брежнев в принципе хотел, но в конечном счете торпедировал и дискредитировал, так как они усиливали его соперника и могли дать ему властные преференции. Экономический застой являлся прямым последствием политики стабильности в кадрах, с одной

стороны, и первенства идеологии — с другой стороны. Было трагедией, что Брежнев, хотя, наверное, в меньшей степени, чем Косыгин, осознавал нарастающее расстройство народного хозяйства и необходимость второй промышленной революции. Но хотя он любил выступать в качестве обвинителя нерадивых министров, он не мог отказаться от политики, поддерживающей только его клиентов, и от централизованного планирования экономики. Вместо структурных реформ, он ограничивался моральными апелляциями. Хрущев в 1962 г. в качестве крайней меры использовал золотой запас страны, чтобы купить продукты за границей, а для Брежнева это стала привычкой и константой его экономической политики. Масштабные закупки мяса, хлеба, одежды и других товаров ширпотребом являлись негласным признанием того, что его грандиозные планы развития легкой промышленности не реализованы. Но в то же время использование золотых запасов свидетельствует о честных и серьезных намерениях Брежнева поднять жизненный уровень населения. Осуществить такие транзакции СССР мог только благодаря вывозу энергетических ресурсов, а именно газа и нефти, на Запад. Так получилось, что СССР обеспечивал капиталистические рыночные экономики своим топливом, а капитраны кормили, одевали и обували советских людей, чтобы они, как желал того Брежнев, могли «спокойно жить и плодотворно работать».

Большая заслуга Брежнева заключалась в том, что он дал возможность значительной части населения более-менее спокойно жить, обеспечил скромное благосостояние, гарантировал социальные выплаты и объявил законными мечты о собственной квартире, даче и автомобиле. Он перенес на все общество мелкобуржуазное желание обеспеченной жизни, о чем когда-то мечтала для него мать. С этой точки зрения генсек сделал Советский Союз более человечным, он поставил в центр политики индивида с его основными потребностями. Он не только продолжал социальные программы Хрущева, но даже объявил повышение жизненного уровня генеральной линией партии. Конечно, это умозрительное заключение, так как мы не можем «заглянуть в ум и сердце» Брежнева, но после всего того, что он видел во время коллективизации, на войне и в послевоенные годы на Украине, в Молдавии и Казахстане, его действительным искренним желанием, казалось, было улучшить жизнь советских граждан, сделать ее достойной. Брежнев переключил общество с революционного модуса на социальный. Неоспоримое следствие этой новой ориентации заключалось в том, что Советский Союз стал для многих людей реальностью, не подлежащей со-

мнению, константой, о которой никто не думал, что она может когда-либо уйти в небытие*.

Трагедия заключалась в том, что с 1975 г. советские люди наблюдали по телевидению дряхлость и маразм руководителя их партии и государства. В конце концов, однако, и это оказалось успехом Брежнева: советский лидер как личность мог быть болен, но политическая система не теряла в результате этого силу и стабильность. По мнению Черняева, большинство людей не задумывались над тем, как слабо за десять лет до Горбачева Политбюро управляло страной. Советские люди смеялись над Брежневым, но генсек говорил: пока они смеются, они меня любят.

Величайшая трагедия Брежнева заключалась, несомненно, в том, что он не справился с давлением и стрессом, которым подвергался именно в сфере внешней политики. Бессонница и высокая работоспособность восходили к временам Сталина, когда отдых и бездеятельность преследовались как государственные преступления. Это бремя прибавлялось к той нагрузке, которую, пожалуй, приходится нести каждому государственному деятелю, если речь идет о таких вопросах, как развитие или прекращение отношений, ведение переговоров или вторжение, политика войны или мира. Вероятно, плох был опыт с Дубчеком, который нравился Брежневу как его протеже, которого он ценил и все же силой отстранил от должности. С сильным испытанием ему пришлось столкнуться в Политбюро, когда генсек отстаивал взятый им курс на налаживание отношений в Западом. О том, какого напряжения стоило ему держать военных в узде, можно только догадываться, но, может быть, мы узнаем об этом, когда будут открыты соответствующие архивы. Даже в 1973 году, это было время его блестящих успехов, Брежнев так нервничал, его мучила бессонница, что он был вынужден прибегать к транквилизаторам и снотворному. Его, вероятно, надломили смерть или уход в отставку в 1974 г. трех его соратников — Помпиду, Брандта и Никсона. Работа по формированию доверия на протяжении пяти лет, казалось, была напрасной. Он представлял себя государственным деятелем западного типа, обольстителем и антиидеологом, но, в конце концов, оказался в одиночестве.

Это уже было не только личной трагедией Брежнева, а касалось всего мира: никто и не догадывался, что сильнейший человек Советского Союза пребывал в наркотической зависимости. Его уход из-за физических недугов оценивался как смена политического

* См.: Yurchak A. Everything was forever, until it was no more. The Last Soviet Generation. Princeton; Oxford, 2006.

курса и отход от прежних позиций. Если во внутренней политике состояние здоровья Брежнева приводило к затишью, то во внешней политике оно вызвало стремительный откат назад в вопросах разрядки, миру вновь пришлось вспомнить о худших временах холодной войны. Все западные политики, выражавшие соболезнование или приехавшие на его похороны в Москву, как вице-президент США Джордж У. Буш, отмечали активность советского лидера в борьбе за мир; они подчеркивали, что военный опыт превратил Брежнева в непоколебимого борца за мирное сосуществование*. В этом отношении верно то, что говорили его соратники: если бы Брежнев действительно ушел в отставку в 1976 г., он, вероятно, оказался бы в анналах истории как миротворец и великий европеец. А так он остался в памяти мира как человек, вторгшийся в Прагу и Афганистан.

Как утверждает Александров-Агентов, Брежнев сказал ему, что лучше всего он чувствовал себя на посту секретаря обкома**. Млечин обратил это против Брежнева: ему стоило бы оставаться скромным региональным секретарем; пост генерального секретаря оказался той «шапкой», что была «не по Сеньке»***. Но это высказывание свидетельствует скорее о том, что Брежнев видел себя человеком действия и чувствовал себя хорошо, если напрямую общался с людьми. Секретарю обкома, говорил Брежнев, можно добиться большего и увидеть результаты своей деятельности, пойти на заводы и в поля, поговорить с людьми и почувствовать их настроение. В Кремле же все всегда узнаешь только из бумаг****. С одной стороны, это еще раз указывает на то, что Брежнев не стремился к политической карьере. Он начинал в качестве актера-любителя и инженера и, чтобы быть довольным, ему не надо было чего-то большего. Охота, а к ней быстрый автомобиль — и его счастье было идеальным. С другой — цитата свидетельствует о том, что Брежнев не был высокомерным и не только охотно заботился о нуждах людей, но и с удовольствием говорил с ними, смешил их и, если во время приема звучала музыка, приглашал женщин танцевать.

Именно эти «нормальные», обычные, неинтеллектуальные проявления его натуры и заставляли многих его соперников недо-

* АВП РФ. Ф. 129. Оп. 68. Папка 393. Д. 37 (Год 1982: похороны Брежнева Леонида Ильича. Соболезнования, приезд делегации США на похороны). Л. 8, 37а, 96, 102; *Brandt, Vertrauensvolle Gegnerschaft*. S. 384, 386.

** Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. С. 248.

*** Млечин Л. М. Брежнев. С. 440.

**** Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. С. 248.

оценивать Брежнева. Его преимущества и «оружие» заключались в выслушивании, терпении, выносливости и, конечно, актерском таланте. Последнее генсек использовал, если развлекал свое окружение стихами Есенина, если с большим пафосом и страстью произносил речи или если входил в роль политика западного склада. Один из тех, кого Брежнев изгнал из власти, относился к нему плохо, но одновременно отдавал ему дань уважения, говоря, что Брежнев был «большим актером», который сумел за театральной маской скрывать свое лицо*.

Но не только удовольствие от игры на сцене выделяло его среди членов Политбюро. Брежнев был бонвиваном, не заботившимся о строгом соблюдении высокоморальных партийных правил. Насколько сильно он выдавал себя в политической сфере за «равного среди равных», настолько же интенсивно использовал в неформальных ситуациях свою слабость к женщинам и быстрым автомобилям, а также искусство стрелка, чтобы в качестве «настоящего мужика» выделиться среди своих товарищей и представить себя как лидера. В этом отношении не удивительно, что в обществе Брандта, Помпиду и Никсона советский лидер чувствовал себя комфортнее, он в большей степени видел в них своих единомышленников. Члены «Большой четверки» были жизнерадостными людьми, «другие», так оказывалось, были черствыми идеологами.

Поэтому-то и возникает вопрос о том, кто мог бы наследовать Брежневу в 1976 или 1979 гг. В 1976 г. он, вероятно, боялся, что им мог бы стать только что выздоровевший премьер Косыгин или еще не смещенный председатель Президиума Верховного Совета Подгорный. В 1979 г. советский лидер перехитрил обоих, но единственным, кто не был столь же стар и болен, как он, являлся Горбачев, к этому времени даже не член Политбюро. Приходится оставить без ответа вопрос о том, смог бы генсек добиться назначения на свой пост первого секретаря ЦК Компартии Украины Щербицкого, на двенадцать лет моложе его? Ввиду отсутствия альтернативных кандидатов, открытым остается вопрос и о том, могла ли более ранняя смена руководства действительно вызвать «перезагрузку» или только спасти политику разрядки в отношениях с Западом?

Только через сто лет со дня рождения Брежнева, в 2006 г., началась переоценка его 18-летнего правления — черная краска времен Горбачева сменилась на белую в эру Путина. Многие россиянки и россияне вспоминают сегодня о годах Брежнева как о «золотом веке», в котором жилось сытно и беззаботно. Но это

* Семичастный В. Е. Беспокойное сердце. С. 417.

однозначно искажение действительности. МИД ФРГ прогнозировал уже в 1973 г.: если Брежнев не сможет удовлетворить пробужденные им ожидания более высокого жизненного уровня, ему угрожает «конкретная опасность»*. И действительно, бывший руководитель молдавской парторганизации, которого Брежнев еще в 1980 г. перевел в Москву на пост заместителя Председателя Совета Министров СССР, пишет, что он часто докладывал Брежневу, насколько опасно и напряженно положение в стране, так как люди не могут купить в достаточном количестве мяса, молочных продуктов, сахара и растительного масла. Довольно часто доходило до эксцессов, если покупательницы, раздраженные видом пустых полок, в пух и прах разносили инвентарь или рабочие начинали сидячую забастовку**. Черняев также вспоминал, что в 1978 г. в Ростове-на-Дону после распределения мяса по яслям, детским садам и ресторанам в магазины поступало только 1,5 кг на горожанина в год. Были регионы, снабжавшиеся лучше, но нигде не встречалось больше 7 кг мяса на человека***. Майский пленум 1982 г. установил норму калорий, полагавшихся каждому советскому гражданину, это означало, что ничего больше нельзя было купить, даже перловой крупы****. О дефиците снабжения во времена Брежнева свидетельствовали и бесчисленные анекдоты: «В специальном ресторане для иностранцев директор объявил, что они смогут получить любое блюдо, если закажут его заранее. Один турист заказал жаркое из мяса жирафа с картофелем. На следующий день туристы видят: у входа в ресторан привязан жираф. Входит директор и говорит: “Жирафа, как видите, уже нашли, теперь ищем картошку!”»*****.

Второй факт, возведенный в современной России в миф, заключается в том, что Брежнев превратил Советский Союз в сверхдержаву. Поэтому в глазах ностальгирующих по великой державе имя Брежнев вписано на почетном месте рядом с именами Ленина и Сталина на странице «победителей», а имена Хрущева и Горбачева — на странице «проигравших», лидеров, ослабивших страну или доведших ее до гибели. Это несправедливо по отношению к Брежневу, который всю свою жизнь боролся за мирное сосуществование, сближение с Западом и разоружение, и сегодня,

* Politisches Archiv AA, Zwischenarchiv, Best. Nr. 112694, 28. Mai 1974, Dr. Meyer Landrut zur Information. S. 6.

** Бодюл И. И. Дорогой жизни. С. 142 и след.

*** Черняев А. С. Совместный исход. С. 341.

**** Там же. С. 488.

***** История СССР в анекдотах. С. 171.

услышав антиамериканскую изоляционистскую риторику Путина, вероятно, перевернулся бы в гробу. Военная агрессия была для него не причиной гордости и величия, а крайней мерой и тяжелым бременем на его совести. Брежнев видел свою заслугу в том, что хотел дать советским людям лучшую, мирную жизнь, для чего приказал закупать в небывалых прежде масштабах за границей на валюту продовольствие, а также одежду и электротовары. Он был горд не «доктриной Брежнева», а введением пятидневной рабочей недели, установлением пенсионного возраста для всех женщин в 55 и для всех мужчин в 60 лет, а также повышением заработной платы*.

На принципиальный вопрос о том, способствовал ли Брежнев больше стабильности или краху Советского Союза, можно в зависимости от точки зрения отвечать очень по-разному и в конечном счете всегда крайне гипотетически. Во многом бесспорно, что все, что генсек создал до 1975 г. во внутренней и внешней политике, способствовало стабилизации, консолидации и превращению Советского Союза в относительно нормальную страну. По существу, только при нем возникло государство, которому позже предстояло погибнуть. Насколько сильно в его последние годы ощущался паралич руководства, оценивается очень по-разному. Сотрудник Брежнева Брутенц считает: «В начале 80-х годов казалось, жизнь в стране остановилась, замерла, пропали события, одни юбилеи и кончины... Фактически все это напоминало имитацию реальной общественной и политической жизни, ее эрзац**». Тем не менее все продолжало функционировать, и если бы Горбачев не покончил с такой ситуацией, она, может быть, продолжалась бы и дольше.

Единственным действием, несомненно приведшим к делегитимации господства партии и тем самым способствовавшим гибели Советского Союза, было вторжение в Афганистан. Поступив так, Брежнев нарушил свое важнейшее обещание — гарантировать людям жизнь в условиях мира. Вместо этого послал советских граждан на кровопролитную войну, которой никто не хотел и которую они не могли выиграть. И это стоит сказать тем, кто охотно показывает Брежнева воином сверхдержавы: его величайшей ошибкой с самыми роковыми последствиями была война в Афганистане, даже если приходится оставить без ответа вопрос о том, насколько это было его решением, а не тройки¹.

Правда, Брежнев любил армию, но скорее по причинам постальгического свойства. Он был человеком мира и переговоров,

* Чазов Е. И. Здоровье и власть. С. 15.

** Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. С. 499.

а не войны и устрашения. Вот что сказал Эгон Бар: «Представление о том, чтобы пойти с Брежневым в сауну, было бы абсурдным. Этого не выдержал бы ни один канцлер. Но без того, что началось в 1970 г., ни Горбачев, ни Ельцин не воцарились бы в Кремле»*. И вот как полагал даже критически настроенный Черняев: «Если бы не “Чехословакия-68”, на что он пошел скрепя сердце (теперь это известно), скорее всего, потому что чувствовал себя еще не совсем уверенно в высшем руководстве, если бы не “Афганистан-79”, на который его подбила тройка членов ПБ, пользуясь его физической и психической беспомощностью (он почти утратил представление о происходящем вокруг), то, думаю теперь, он вполне заслуживал бы Нобелевской премии мира. Во всяком случае, Брежнев по делам своим в пользу мира был бы достоин ее больше, чем все те, кто получил ее в 70-х гг.»**.

* Bahr E. Zu meiner Zeit. S. 296f.

** Черняев А. С. Совместный исход. С. 254.